

Александр Быков

«ЛАД» Василия Белова

«Стихия народной жизни необъятна», - сказал в предисловии к своему «Ладу» Василий Иванович Белов. Было это в конце 70-х гг. двадцатого века, почти тридцать лет тому назад. Сказал - и вот уже не одно поколение читателей пытается решить для себя вопрос: «А был ли он на самом деле, этот крестьянский лад? А может быть, в произведении Белова просто идеализированы фрагменты старого крестьянского быта? Ведь если все было так хорошо, то откуда в предреволюционной деревне повальная бедность, откуда злость крестьянина на попа, барина и интеллигента? Почему северная деревня в массе своей поддержала большевиков и осталась безучастна к событиям гражданской войны? Политизированное общество эпохи развитого социализма, воспитанное на известном высказывании В.И. Ленина о том, что «за Вологодой царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», вдруг обнаружило, что была, и еще тогда оставалась кое-где, совсем другая деревня. Она доживала свой век в неперспективных деревнях, сгибалась под тяжестью колхозной жизни, берегла в сундуках старинные одеяния, наперекор коммунистической пропаганды хранила, пусть и на чердаках, древние иконы. И эта деревня обществу развитого городского социализма была совершенно неизвестна. И тут появляется Белов со своим «Ладом». Интеллигенция жадно принялась читать книгу и не менее жарко ее обсуждать. Конечно, далеко не все в произведении Василия Ивановича приглянулось. Ученые - этнографы морщили губы. Дескать, нельзя так обобщать: разрозненные истории от главной рассказчицы книги Анфисы

Ивановны не есть истина в последней инстанции. Некоторые узрели на страницах книги мотивы из трудов краеведов дореволюционных времен. Как же так, на Степановского сноски нет, хотя заимствование из его работ очевидно! И самое главное сомнение, что не было того самого лада в предреволюционной деревне, где шел процесс капиталистического развития, внедрялась концепция Столыпинской реформы, рухнула община и на ее руинах стал подниматься крестьянин-собственник, прозванный почему - то кулаком.

Далеко не все вышесказанное попало на страницы рецензий, но все это действительно обсуждалось в институтских, музейных и других близких по духу кулуарах. Автор этой статьи и сам был активным участником тех дискуссий. Вскоре он поедет в экспедиции изучать народную культуру, пройдет по деревням бывшего Кадниковского уезда, тем самым, что описаны в книге; встретит людей, которые попали на иллюстрированные страницы «Лада», увидит воочию и полюбит то, что в дореволюционные времена называли «живой стариной». А потом он напишет книгу о народном costume жителей тех мест, построит экспозиции нескольких районных музеев и поймет, как же был прав Василий Иванович Белов, изложив кредо всей книги в первой же фразе. Стихия народной жизни действительно необъятна!

Как же это понимать? Все очень просто. В крестьянском мире одновременно может жить несколько взаимоисключающих тенденций. Молодое поколение ломает устои, старшее их бранит и требует устои соблюдать. Проходит время, молодежь взрослеет, «берется за ум» и плавно переходит в стан «отцов», начинает чтить то, над чем годы разудалой юности смеялось; чтить непреходящие ценности. Два примера из собственного опыта. Начало 1980-х., деревня Маркуша Тарногского района. Дорог нет никаких, край земли, в общем. Но в этой Маркуше старик, в прошлом активный комсомолец-безбожник, создает народный музей, где большая часть экспозиции посвящена истории уже не существующего Николо-Маркушевского монастыря. «В молодости, - го-

ворил он автору, - я этот монастырь своими руками по кирпичику разносил, теперь вот, видишь, по крупицам историю собираю». В Верховажье пенсионерка, в прошлом заведующая отделом культуры, на совести которой лежал снос купола собора, очень стыдилась этого, говоря, что было указание сверху. И она теперь обязана собрать как можно больше экспонатов для местного музея: ей так для себя было важно, что она не только разрушала, но и создала тоже. Только с возрастом люди начинают понимать, что такое традиции, сначала присматриваются к тому, что еще осталось, а потом начинают им следовать. Знакомый автор, познавший в 90 - е годы XX в. большие миллионы и испытавший, что есть разорение, не сломался - он вспомнил, что его уже умерший отец был сельским печником и в юности учил его класть печи. Теперь он известный на весь город мастер - печник, к которому записываются в очередь.

Традиционные знания поколений есть в каждом человеке, но кому-то они открываются, а кому то нет. Есть и неприкосновенные традиции, чтимые всеми и вся. Это прежде всего свадьбы и похороны. Именно в этих обрядах до мелочей соблюдаются на первый взгляд малозначительные и второстепенные детали. Суть их, может, кому-то и малопонятна, но она не обсуждается, а исполняется неукоснительно.

Именно об этом и написана книга В.И. Белова «Лад». Лад как система принципов организации человеческой жизни существует и будет существовать всегда. Конечно, нет уже того крестьянского лада, что сохранялся еще не так давно в деревне. Сменилась эпоха, и предметы быта, окружавшие человека 50 и меньше лет назад, - уже в музее. Споры о том, была ли такой безоблачной деревенская жизнь, как это описано у В.И. Белова, какое-то время будут еще продолжаться. И во многом критика будет справедлива. Но так ли важны частности применительно к литературному произведению? Ведь книга не об этом. «Лад» повествует о духовной составляющей человеческой жизни, а душа, как известно - она бессмертна.